

Политическій и социальный строй. Происхождение абсолютизма.

Существует много различныхъ гипотезъ, объясняющихъ происхождение и характеръ московской государственной власти. Я уже ссылался выше на ту историческую школу, которая отстаиваетъ полнѣйшую самобытность національной русской культуры. Въ организации государственной власти Москвы эта школа усматриваетъ характерное проявленіе духа русской народности—этой славянской вѣтви, волею судебъ оторванной отъ родной почвы и заброшенной на далекую чужбину. Только такой режимъ, будто бы, соотвѣтствовалъ специфическимъ особенностямъ славянской расы въ области государственнаго строительства. Только онъ обеспечивалъ жизненную силу учреждений, созданныхъ ею въ новыхъ условіяхъ историческаго существованія. Поприще другихъ славянскихъ народностей порою бывало весьма блестяще, но всегда слишкомъ кратко. Объясняется это, будто бы, тѣмъ, что онѣ строили свою политическую жизнь на совершенно иныхъ основахъ. Другими словами, они не умѣли предупреждать чрезмѣрнаго усиленія аристократическихъ элементовъ общества при пагубномъ ослабленіи центральной власти.

Однако, откуда же явились у сѣверо-восточной группы славянъ эта особая склонность принять новый политическій строй, эта специфическая способность примѣниться къ его формамъ? *Забѣлимъ* объясняетъ это вліяніемъ Восточно-православной Церкви: въ ученіи ея патріархальный абсолютизмъ находилъ себѣ, будто бы, высшую санкцію и принципиальное обоснованіе. *Костомаровъ* держится иного взгляда. По его мнѣнію, особенности политическаго строя Москвы были послѣдствіемъ татарскаго владычества. Наконецъ, нѣкоторые другіе историки въ своихъ объясненіяхъ ссылаются на воздѣйствіе финскаго элемента. Ни одна изъ этихъ трехъ теорій, въ сущности,

не выдерживает критики. Несомненно, что еще раньше, в южной Руси, влияние Церкви было весьма значительно—пожалуй даже сильнее, нежели впоследствии на северо-восток: и, между тем, Киевская Русь совершенно не знала того личного абсолютизма, который сложился в Москве к концу XV века. Это вполне подтверждается и древнейшими свидетельствами—византийскими хронографами, историческими данными Прокопия, императором Львом а также Дитмаром Мерзебургским: все они говорят, что у славян народные собрания обладали или всей полнотой верховной власти или, по крайней мере, некоторыми ее прерогативами. В этом отношении, собственно, русские славяне отнюдь не составляли исключения. По словам Несторовой летописи, иногда они даже обходились совсем без княжеской власти. Уже позднее, в XI веке, мы видим те же самые демократические учреждения в Киеве и Новгороде, в Смоленске и Полоцке. *Веча* (производное от *вѣщать*) действуют на всем пространстве русской земли—правда, не везде в одинаковых границах. В иных местах им принадлежит вся верховная власть, в других они лишь избирают князя. Но нигде политическая жизнь не обходится без их участия, причем оно обеспечивается формальными договорами—*рядами* и грамотами.

Можно сказать, что в своей первоначальной форме русское самодержавие отнюдь не являлось синонимом абсолютизма. Правда, самодержец московский, это, можно сказать, двойник византийского *autocrat*; но известно, что византийские императоры делили свою абсолютную власть с духовенством. То же самое было и в Москве. Духовенство долго видело здесь в титуле самодержавного государя лишь символ независимости русских от иностранного господства. Таким образом, если не народные права, то, по крайней мере, прерогативы Церкви оставались пока совершенно незатронутыми этим новым порядком политической жизни. Тем не менее, сам по себе, термин самодержавия мог подать повод к опасному смешению понятий. Так оно и было. Первый удар народоправству был нанесен на северо-восток, где князьям Суздальскому и Рязанскому удалось силою утвердить начало династического наследования в порядке первородства. Так или иначе, еще задолго до появления татар народное верховенство уцелело лишь кое-где, в виде исключения. В своей неприкосновенности сохранилось оно в Пскове и Новгороде до конца XV века; повсюду, в

другихъ мѣстахъ, оно или подверглось существеннымъ ограниченіямъ или было совершенно упразднено уже съ начала XVIII столѣтія.

Татарское владычество содѣйствовало развитію русскаго абсолютизма отнюдь не въ большей степени, нежели вліяніе Византіи. Правда, въ отношенія правителей и подданныхъ русскихъ земель татарская неволя внесла коренную перемѣну. Раньше положеніе князя зависѣло отъ воли народа; теперь оно опредѣлялось уже капризомъ чужеземнаго завоевателя. Стоило отправиться на низовья Волги съ подарками для хана, и это уже надежнѣе обезпечивало судьбу князя, нежели народное избраніе. Князь возвращался изъ орды съ ярлыкомъ, который дѣлалъ совершенно излишнимъ всякое иное домогательство власти. Флорентійская унія и взятіе Константинополя турками оказали на Русское государство воздѣйствіе въ томъ же направленіи. До конца XIV вѣка Церковь знала только великаго князя Руси: *царемъ* же русскаго народа, *государемъ всего міра* былъ въ ея глазахъ лишь византійскій императоръ, который и поминался въ московскихъ молитвахъ. Послѣ указанныхъ событій волей-неволей пришлось перенести эти величанія на особу кого-нибудь другого. Такъ, на развалинахъ византійской славы возвысилось значеніе Московскаго государства.

Всѣ эти случайности играли, впрочемъ, лишь второстепенную роль: рѣшительнаго значенія въ данномъ процессѣ онѣ не имѣли. Остается выяснить, слѣдовательно, вліяніе финскаго элемента. Конечно, бывали въ исторіи примѣры, когда покоренный народъ передавалъ побѣдителю свои порядки, нравы и понятія; но возможно это лишь тогда, когда въ культурномъ отношеніи побѣжденный стоитъ выше своего завоевателя. Такое превосходство финновъ надъ русскими представляется совершенно немислимымъ. Правда, русскіе переселенцы XIII—XIV вѣковъ были еще варварами; но въ области, куда они вступили, они встрѣтили еще менѣе культурныя племена. Поэтому и торжество ихъ надъ финнами отнюдь не было дѣломъ простаго численнаго преобладанія.

Ключъ къ разрѣшенію вопроса лежитъ, на мой взглядъ, во взаимодѣйствіи двухъ явленій, уже отмѣченныхъ мною выше. Я говорю о слабомъ расчлененіи тогдашняго русскаго общества и, съ другой стороны, о той его милитаризаціи, которая вызвана была вліяніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его первоначальное образованіе

и дальнѣйшее переустройство на сѣверо-востокѣ. Мы знаемъ, что русскіе переселенцы оказались въ чужой землѣ, гдѣ долго жили, окруженные врагами. Благодаря этому, ихъ государственная власть приобрѣла характеръ военнаго командованія. Вооруженный новыми прерогативами, сѣверо-восточный князь, естественно, оказывалъ разлагающее вліяніе на недостаточно организованныя социальныя группы. Эти послѣднія своей слабостью еще содѣйствовали росту его могущества.

Впрочемъ, образованіе государствъ, въ большинствѣ случаевъ, сопровождается точно такими же явленіями. Особенность данного процесса заключалась въ томъ, что мужжающее государство переходило одновременно и къ формамъ новѣйшей цивилизаціи. Это, дѣйствительно, характерная черта въ развитіи русскаго общества. Долгое время оно жило вдали отъ вліяніи Европы; затѣмъ ему пришлось сразу усваивать драгоцѣннѣйшія ея блага—даже такіе утонченные плоды ея культуры, которые находились въ самомъ вопіющемъ противорѣчьи съ его собственной отсталостью въ социально-политическомъ отношеніи.

Все это совершалось внезапно, нерѣдко даже вопреки требованіямъ нормальнаго прогресса. Въ извѣстномъ смыслѣ, просвѣтительное движеніе, питавшееся внѣшними вліяніями, создавало на русской почвѣ условія, благопріятныя для развитія абсолютизма: оно вооружало центральную власть такими средствами, открывало ей такіе пути, которыхъ нельзя было найти въ нѣдрахъ варварскаго общества. Иванъ IV былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ; потому онъ и былъ опаснѣе Людовика XI, который, какъ извѣстно, убѣжденно презиралъ литературу, науку и искусства. Людовикъ стремился завладѣть только тѣлами людей; Иванъ будетъ плѣнять ихъ души, чтобы и ихъ засадить за желѣзную рѣшетку. Въ этомъ узилищѣ, мучительно согнувшись, несчастная Россія обречена будетъ гнить цѣлые вѣка.

Нетрудно прослѣдить, какъ создавалась эта историческая темница. Мы видѣли, что Москва старалась приманить къ себѣ на службу возможно больше людей изъ сосѣднихъ княжествъ. Когда эти слуги оказались въ избыткѣ, московскіе государи посигналили прекратить подобные переходы, которыми сами пользовались до той поры въ своихъ интересахъ. Эту задачу, въ значительной степени, облегчили Москвѣ тѣ же ея сосѣди. Дѣло въ томъ, что они уже успѣли создать

кое-какія ограниченія такого рода. Самый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало мнимо либеральное, даже республиканское правительство. На совѣсти республикъ, вообще, не мало такихъ грѣховъ; но я не касаюсь современности: тотъ фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, относится къ 1368 году. Въ этомъ году новгородская республика постановила: если кто-либо изъ гражданъ покинетъ ея область, онъ лишается правъ собственности на всякое имущество, которое можетъ тамъ сохраниться. Что же оставалось Москвѣ? Только послѣдовать данному примѣру. Правда, самый принципъ еще старались щадить, но уже при Иванѣ III начали сажать въ тюрьму всякаго изъ «слугъ» государевыхъ, который казался недостаточно надежнымъ. Чтобы вернуть себѣ свободу, онъ могъ и не отказываться формально отъ своего права: правительство дѣлало видъ, что само его соблюдаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ давалъ обязательство впредь не пользоваться имъ; иногда на ряду съ этимъ требовалось также пред- ставить поручительство.

Я намѣренно останавливаюсь на этихъ деталяхъ: иначе дальнѣйшій ходъ русской исторіи можетъ представиться совершенно непонятнымъ. Какъ увидимъ, Иванъ IV весьма широко пользовался всякими прецедентами. Онъ даже ввелъ нѣчто въ родѣ круговой поруки среди служилахъ людей, дабы лучше обезпечить себѣ ихъ вѣрность.

Такимъ образомъ, князьята и бояре были прикрѣплены къ мѣсту и поставлены въ строгія рамки. Тѣмъ не менѣе они сохранили еще, нѣкоторую политическую и соціальную автономію. Главной основой ея было, конечно, ихъ знатное происхожденіе. Далѣе, вся эта аристократія еще владѣла своими старыми вотчинами или хотя бы остатками вотчинныхъ и удѣльныхъ земель; здѣсь они сохраняли еще нѣкоторыя верховныя права или же различныя привиллегіи. Московское правительство не могло помириться съ такимъ порядкомъ: оно и начало борьбу съ нимъ, пользуясь двоякими средствами. Прежде всего, во главѣ новой военной іерархіи оно уже не хотѣло ставить родичей и соперниковъ государя — княжатъ, потомковъ Рюрика или Гедемина. Оно систематически предпочитало имъ собственныхъ людей его, именно тѣхъ, которые помогали ему «собрать русскую землю». Пусть даже предками этихъ людей оказывались порою простые конюшіе княжеского двора. Въ этой новой служебной аристократіи отсутствовали кастовый духъ и всякое корпоративное чув-

ство. Разумѣется, задача правительства при такихъ условіяхъ становилось еще болѣе простою.

Однако, московское правительство не ограничилось только этимъ средствомъ. Оно обратилось и къ другому, которое, пожалуй, оказалось еще болѣе дѣйствительнымъ. Какъ извѣстно, въ московскомъ государствѣ широко примѣнялась система земельных конфискацій. Эта политика энергически проводилась здѣсь среди разложенія старыхъ княжествъ, присоединяемыхъ къ новой державѣ. Такимъ образомъ, постепенно, въ рукахъ московскаго правительства создался земельный фондъ огромнаго размѣра. Москва занялась перераспредѣленіемъ этихъ земель,—съ тѣмъ расчетомъ, однако, чтобы это новое—служилое—землевладѣніе по своему характеру не имѣло ничего общаго съ прежнимъ. Вотъ почему оно уже не представляло собою ни удѣловъ, ни вотчинъ; новые участки были *помѣстьями*, т.-е., по точному смыслу слова, такими земельными надѣлами, которые получались должностными лицами въ качествѣ вознагражденія соотвѣтственно съ занимаемымъ мѣстомъ по службѣ. Отсюда ясно, что помѣстья были, обыкновенно, въ пожизненномъ пользованіи владѣльцевъ: по наслѣдству они передавались лишь на томъ условіи, чтобы вмѣстѣ съ землею новый помѣщикъ взялъ на себя и всѣ обязанности своего предшественника. Какъ и вотчины, помѣстья были свободны отъ налоговъ: зато на нихъ лежала наиболѣе тяжелая повинность, т.-е. государственная служба. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, московскія помѣстья представляли аналогію съ феодальными держаніями Западной Европы. Однако между обѣими явленіями существовало одно важное различіе. На Западѣ ленъ давался за добровольную службу; въ Московскомъ же государствѣ помѣстье жаловалось за службу, которая и безъ того признавалась обязательной. Въ общемъ итогѣ, московская система отнюдь не создавала аристократіи, основанной на мѣстно - корпоративномъ принципѣ. Весь окладъ жалованія получался здѣсь натурой. Такой порядокъ былъ еще въ одномъ отношеніи удобенъ для московскаго правительства: въ немъ постепенно стирались различія между старой и новой формами землевладѣнія. Мало-по-малу, въ Московскомъ государствѣ вотчинникъ и помѣщикъ сливались въ одну массу.

При временномъ, измѣнчивомъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія, размѣры его, по большей части, были крайне незначительны. Порою площадь такого помѣстья не превышала какихъ-нибудь три-

дцати десятиныхъ. Этого мало: самое надѣленіе служилыхъ людей землею нерѣдко затягивалось, отсрочивалось или сохраняло чисто фиктивный характеръ. Намъ извѣстно, что представляли собою такъ называемыя «дѣти боярскія». То были лица, которымъ не удалось унаслѣдовать отъ своихъ знатныхъ предковъ почетный титулъ, связанный съ опредѣленнымъ служебнымъ положеніемъ. Такъ, воть, въ 1570 году было испомѣщено 163 этихъ дѣтей боярскихъ; однако, за отсутствіемъ свободныхъ надѣловъ, 99 человѣкъ изъ этого числа не получили ровно ничего. Одновременно съ этимъ случаемъ, и по такимъ же причинамъ на долю одного такого бумажнаго «помѣщика» изъ 80-ти пожалованныхъ десятиныхъ выпало всего на всего шесть.

Воть почему по своему образу жизни, по домашней обстановкѣ, одеждѣ и пищѣ служилые люди того времени едва замѣтно отличаются отъ простыхъ крестьянъ. Иногда даже матеріальный достатокъ такихъ помѣщиковъ во многомъ уступаетъ крестьянскому довольству. Конечно, этого нельзя сказать о тогдашней высшей знати. Она занимаетъ важнѣйшія должности и, разумѣется, получаетъ соотвѣтственное вознагражденіе. Правда, дома ея выстроены изъ обыкновеннаго лѣса, притомъ всѣ по одному образцу. Но всевозможныя пристройки, крыльца, высокіе теремки, затѣйливыя крыши и огромныя службы придаютъ имъ, болѣе или менѣе, внушительную внѣшность. Что касается большинства служилыхъ людей, то они живутъ въ обыкновенныхъ избахъ. Здѣсь деревянный полъ моется, выскабливается и выметается ежедневно: у входныхъ дверей для вытиранія ногъ брошена на порогѣ куча сѣна. Въ передней горницѣ красуется на видномъ мѣстѣ рѣже серебряная, нежели оловянная посуда... Словомъ, въ обстановкѣ этого жилища нѣтъ ничего такого, что говорило бы объ аристократизмѣ владѣльца.

Есть, впрочемъ, одна черта, которая рѣзко отличаетъ положеніе знатнаго человѣка отъ простолюдина. Это—большое количество домашнихъ слугъ, которыхъ считаетъ необходимымъ держать при себѣ тогдашній бояринъ. Въ его хозяйствѣ мы видимъ и поваровъ, и пекарей, и садовниковъ, и портныхъ, и рабочихъ всевозможнаго рода. Тутъ же находятся всякіе дворовые люди, положеніе которыхъ и, какъ будто, болѣе почетно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, далеко не завидно. Къ чему же сводятся ихъ обязанности?

Пѣшкомъ и на конѣ, всюду слѣдуютъ они за своимъ господиномъ: они сопровождаютъ его въ дорогѣ, служатъ ему при дѣловыхъ заня-

тіяхъ, не покидаютъ его и въ забавахъ. Я едва не позабылъ о приказчикѣ, хотя изъ всѣхъ слугъ помѣщика онъ былъ для него самымъ необходимымъ. Пусть помѣщикъ владѣтъ всего нѣсколькими десятинами земли; все же, онъ не обойдется безъ этого *alter ego*, тѣмъ болѣе, что собственноручная обработка земли является для служилаго человѣка совершенно невозможной. Даже при искреннемъ желаніи—это немыслимо за недостаткомъ времени. Вся жизнь служилаго человѣка—отъ дѣтства и до самой старости находится въ безраздѣльномъ распоряженіи его государя. Гражданская ли, военная ли карьера—для служилаго человѣка безразлично: онъ долженъ быть человѣкомъ на всѣ руки. Вотъ его вызываютъ на войну. Онъ беретъ съ собой мѣшочекъ съ просомъ, нѣсколько фунтовъ соленой свинины, немного соли, смѣшанной съ перцомъ,—если только его средства позволяютъ ему запасти эту приправу; она считается, вообще, превосходной, но служить уже предметомъ роскоши. Далѣе къ этому присоединяются небольшой топорикъ, труть, мѣдная посуда, —и служилый человѣкъ можетъ считать себя вполне снаряженнымъ. Въ походѣ онъ, конечно, обойдется какъ-нибудь безъ своего приказчика. Когда же онъ вернется къ себѣ въ помѣстье, онъ найдетъ его опустошеннымъ или, по крайней мѣрѣ, обворованнымъ тѣмъ же самымъ вѣрнымъ слугою. И, вотъ,—описываетъ Герберштейнъ,—онъ уже подбираетъ апельсиновые корки или объѣдки тыквы, которые бросить по дорогѣ какой-нибудь прохожій иноземецъ. ... Но выйти изъ дому совсѣмъ одному, хотя бы для того лишь, чтобы постучаться въ сосѣднія ворота? Этого не будетъ никогда! Повсюду съ помѣщикомъ — его конь или кто-нибудь изъ слугъ его дома.

Таково положеніе служилаго человѣка. Естественно, что онъ часто хотѣлъ бы перемѣнить его на другое; не мудрено, что онъ стремится порой слиться съ тѣми, не служилыми элементами, которые живутъ много лучше его, не неся на себѣ его тяжелыхъ обязанностей. Что же удерживаетъ его? Только насильственная связь, которая, какъ цѣпь, приковываетъ его къ постылой службѣ. При такихъ условіяхъ не можетъ выработаться корпоративная честь. Демаркаціонную линію между различными категоріями должностныхъ лицъ проводятъ одни лишь служебные списки. Иногда у какого-нибудь изъ дѣтей боярскихъ оказываются братья, которые случайно не попали въ эти списки. Они живутъ, какъ крестьяне, и вполне довольны своей судьбою. Случается, что кто-нибудь другой, изъ тѣхъ же «дѣтей боярскихъ»,

поступаетъ на службу въ боярскій домъ въ качествѣ простого портного...

Даже на верхнихъ ступеняхъ служебной іерархіи постепенно начинаетъ слабѣть то чувство солидарности, которое было завѣщено аристократическими связями прошлаго или создалось общностью новыхъ обязанностей и положеній. Оно исчезаетъ подъ воздѣйствіемъ правительственнаго произвола, возведеннаго въ систему и постоянно перебрасывающаго людей съ мѣста на мѣсто, изъ одного состоянія въ другое, снизу наверхъ служебной лѣстницы или же обратно. При этомъ различіе служебныхъ достоинствъ совершенно не принимается въ расчетъ: такимъ образомъ, вчерашній псарь легко можетъ оказаться завтра на равной ногѣ съ знатнымъ бояриномъ. Смѣшиваясь съ самыми худородными «слугами», не чувствуя съ ними ни кровной связи, ни общности традицій или интересовъ, потомки Рюрика и Гедимины скоро сами утрачиваютъ гордую память о своемъ происхожденіи: по крайней мѣрѣ, они теряютъ охоту защищать, облагораживать и возвышать значеніе этой новой службы, которая ставитъ ихъ рука объ руку съ подобными товарищами.

Такъ, къ насильственному униженію послѣднихъ обломковъ родовой аристократіи присоединяется ея собственное самоотрицаніе. Сперва она уступаетъ внѣшнему давленію, но затѣмъ покоряется, и сама отдается въ руки торжествующему абсолютизму. Этимъ она лишь оправдываетъ или укрѣпляетъ его могущество и даже содѣйствуетъ неизбѣжному водворенію того режима, который самымъ широкимъ образомъ воспользуется ею, какъ матеріаломъ для новыхъ—высшихъ государственныхъ цѣлей.

Тотъ же самый процессъ можно прослѣдить и въ другихъ слояхъ тогдашняго общества. Напомнимъ, что оно не представляло собою органическаго единства. Это будетъ, быть можетъ, еще болѣе ясно, если мы обратимся къ исторіи крестьянскаго сословія.
